

Мартин Эхала
Эстония, Тарту

Анастасия Забродская
Эстония, Таллинн

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭСТОНИИ¹⁹

Понятие этнолингвистической витальности (*ethnolinguistic vitality*, **EV**) обозначает состояние, «которое заставляет группу вести себя в межгрупповой ситуации как самостоятельный коллектив» [4: 308]. Чем сильнее **EV**, тем лучше шансы для сохранения этой группы во времени, и чем слабее **EV**, тем больше существует вероятность того, что она ассимилируется, т. е. перестанет существовать как отдельная единица. В известной степени, язык — это главная составляющая идентичности группы, и **EV** является важным показателем возможного языкового сдвига или сохранения языка.

Данная работа представляет результаты крупномасштабного количественного исследования ($N = 448$) **EV** русскоговорящих жителей Эстонии. В качестве теоретической основы была использована усовершенствованная модель измерения **EV** [1; 2; 3]. Соответственно этой модели, витальность группы зависит от 1) осязаемой силовой разницы между внутренней группой и её наиболее заметной внешней группой (*perceived strength differential*, **PSD**), 2) уровня диссонанса между группами (*the level of inter-group discordance*, **D**), 3) осязаемой межгрупповой дистанции (*perceived inter-group distance*, **R**) и 4) уровня утилитаризма в системе ценностей определённой группы (*the level of utilitarianism*, **U**).

1. Социолингвистическая ситуация в Эстонии

В советское время русскоязычные жители Эстонии, в большинстве своём, оставались одноязычными и не ассимилировались с эстонцами. В 1991 году была *de facto* восстановлена независимость Эстонской Республики. Единственным государственным языком стал эстонский. В результате чего, уровень владения эстонским языком среди не-эстонцев поднялся с 14% в 1989 году до 44,5% в 2000 году [7].

По данным переписи 2000 года, молодые русскоговорящие имеют более хорошее знание эстонского языка, чем старшее поколение [7]. Молодёжь говорит на русском языке со своими родителями, но, по существу, начинает всё больше пользоваться эстонским языком, особенно после окончания школы и при поступлении на работу [12]. В связи с этим в последнее десятилетие стала возникать модель двуязычной коммуникации [8; 9; 10; 12]. Тот факт, что русскоязычное население более активно стало использовать эстонский язык в повседневной жизни, может оказаться причиной беспокойства о витальности всей русскоязычной общины в будущем.

К настоящему моменту прослеживается неоднородность русскоязычных Эстонии:

1. Региональные различия — русскоязычные северо-востока Эстонии (Ида-Вирумаа) в своём большинстве монолингвы; русскоязычные Таллинна обычно имеют определённое знание эстонского языка; русскоязычные же, живущие в остальных частях Эстонии, как правило, билингвальны в разных функциональных сферах. Эта ситуация объясняется этническим составом Эстонии, который варьируется от 95% русскоязычных в Нарве (северо-восток) до менее чем 10% русскоязычных в сельских районах остальной Эстонии.

¹⁹ Работа выполнена при поддержке гранта Эстонского фонда науки (Project ETF7350 Ethnolinguistic vitality and identity construction: Estonia in Baltic background).

2. Различия между поколениями — молодые люди владеют эстонским языком на более высоком уровне.

3. Индивидуальные особенности — доминирование эстонского или русского в употреблении отдельной личности зависит от самоидентификации с Эстонией или Россией, уровнем знания эстонского языка, целями диалога, социальными сетями и прочими факторами.

4. Внутреннее разнообразие русскоязычной общины обуславливает желание и потребность в эстоноязычной коммуникации. Выделяются группы местных русскоговорящих (староверы, потомки переселенцев XIX и начала XX вв.) и русскоязычных, прибывших сюда в советский период, которые, в свою очередь, также не представляют из себя однородную социальную массу и имеют разные критерии отношения к Эстонии [6; 8; 11].

2. Составление выборки

Социолингвистическая информация была взята за основу при составлении выборки. Выборка состояла из 460 русскоговорящих, отобранных профессиональным агентством по сбору статистических данных в пяти разных языковых областях Эстонии (см. табл. 1).

Таблица 1. Метод составления выборки

Языковая среда	Русскоязычное население (%)	Количество респондентов (чел.)
Сельские поселения	1–10	50
Города и небольшие поселения	10–20	70
Западный Таллинн	30–50	70
Харьюмаа и Ласнамяэ (русскоязычный район Таллинна)	50–80	120
Города Ида-Вирумаа	80–100	150

Опрос проводился анонимно. Полученные данные обрабатывались при помощи Статистического пакета для социальных наук (*Statistical Package for the Social Sciences, SPSS 14.0*).

3. Результаты исследования

В целом, в опроснике содержалось 60 утверждений, построенных по принципу шкалы Ликерта [5]. В ходе анализа все утверждения были распределены на четыре концептуальных группы: 1) осязаемая силовая разница между внутренней группой и её наиболее заметной внешней группой (*perceived strength differential, PSD*); 2) межгрупповая дистанция (*inter-group distance, R*); 3) уровень утилитаризма (*utilitarianism, U*); 4) уровень диссонанса между групп (*inter-group discordance, D*).

Во всех четырёх группах коэффициент альфа Кронбаха был выше чем 0,7, показывая тем самым, что утверждения были правильно и надёжно распределены на четыре концептуальных группы. Для того, чтобы сделать возможным анализ данных, были вычислены средние значения для каждой концептуальной группы. Эти значения использовались для вычисления индекса **EV** каждого респондента.

Наибольший интерес для авторов представлял не индекс витальности отдельных респондентов, а различия в витальности разных подгрупп внутри русскоязычной общины, для чего был проведён двухсторонний кластерный анализ с использованием переменных **PSD, R, U, D** и **EV** в качестве вводных данных. В результате исследования выявлено пять кластеров витальности (см. табл. 2) с категориями от средне-низкой витальности группы, состоящей из 10% респондентов до диссонирующей группы с самой высокой витальностью, состоящей из 14% респондентов. Большинство респондентов входило в три группы со стабильной витальностью, которые отличались друг от друга конфигурацией переменных.

Таблица 2. Группы русскоязычных по профилю витальности

Группа средне-низкой ви- тальности	Группа низкой самооценки стабильной витальности	Стойко витальная группа (интегрированная)	Стойко витальная группа (традиционная)	Витальная группа (диссонирующая)
10%	28%	22%	26%	14%

Далее представлена более точная характеристика витального профиля каждой кластерной группы.

Кластер **группы средне-низкой витальности** (*The Medium Low Vitality*) может быть охарактеризован высокой ощутимой этнической слабостью русскоязычных по сравнению с эстонцами (величина **PSD** = -0,46 по шкале от -1 до +1). Члены этой кластерной группы не ощущали какого-нибудь диссонанса в отношениях с эстонцами, фактически величина их **D** (= -0,03) показывает даже небольшой фаворитизм внешней группы, то есть тенденцию видеть членов внешней группы в очень позитивном свете. Что касается культурных ценностей, то эта группа может быть рассмотрена как имеющая незначительное предпочтение поменять и модернизировать, а не сохранять традиции и культурное наследие (**U** = 1,04 по шкале от 0 до 2). Межгрупповая дистанция этой группы к эстонцам была самая маленькая из всех пяти кластеров, но всё же существенная (**R** = 1,57 по шкале от 1 до 2). Все эти характеристики ведут к самому низкому значению **EV** среди подгрупп данной выборки (= -0,31 по шкале от -2,5 до 3,5).

Кластер **группы низкой самооценки стабильной витальности** (*The Stable Vitality Low Self-Esteem*) имел вторую величину **EV** (= -0,15), сигнализируя тем самым, что подгруппа в целом сохраняет своё наследие. Особенной делает эту кластерную группу отчётливо традиционная система ценностей (**U** = 0,89) и довольно большая межгрупповая дистанция от эстонцев (**R** = 1,74). Группа относится к эстонцам нейтрально (**D** = 0,06), но в то же время ощущает их более сильной по сравнению с русскоязычными группой (**PSD** = -0,37).

Кластер **стойко витальной (интегрированной) группы** (*The Stable Vitality Integrated*) имел величину **EV** (= -0,08), указывая на стойкость подгруппы в отношении витальности. Эта группа имела ещё более традиционную систему ценностей (**U** = 0,84) чем предыдущая, похожее нейтральное отношение к эстонцам (**D** = 0,05), но отличалась от группы с низкой самооценкой стабильной витальности маленькой межгрупповой дистанцией с эстонцами (**R** = 1,57, самое маленькое значение среди пяти групп) и более равным ощущением силовых сторон эстони- и русскоговорящих групп (**PSD** = -0,21). Всё это означает, что эта группа хорошо интегрирована в эстонское общество, но обладает позитивной самооценкой и сохраняет своё культурное и языковое наследие.

Кластер **стойко витальной (традиционной) группы** (*The Stable Vitality Traditional*) охарактеризован самой традиционной системой ценностей среди всех подгрупп (**U** = 0,59). Это сопровождается отчётливым чувством диссонанса по отношению к эстонцам (**D** = 0,17) и самой большой межгрупповой дистанцией с эстонцами (**R** = 1,77). Витальность группы до некоторой степени снижена низкой ощутимой силовой разницей между русско- и эстонговорящими (**PSD** = -0,32), поэтому общий индекс витальности не достигает позитивного значения (**EV** = -0,05).

Кластер **витальной (диссонирующей) группы** (*Discordant*) отличается от остальных подгрупп несколькими аспектами. Во-первых, эти респонденты считают эстонцев и русскоговорящих почти одинаково сильными группами (**PSD** = -0,07). Во вторых, они имеют самый высокий индекс ощущаемого межэтнического диссонанса (**D** = 0,25) и высокую межгрупповую дистанцию с эстонцами (**R** = 1,75). Их система ценностей хорошо сбалансирована между утилитаризмом и традиционализмом (**U** = 0,98). Все эти факторы делают величину витальности позитивной (**EV** = 0,1), тем самым показывая, что эта под-

группа витальна, оппозиционна и возможно готова бросить вызов современным властным отношениям между эстонцами и русскоязычными Эстонии.

Числовые величины всех переменных для каждого кластера представлены в таблице 3 (предельные величины каждой переменной выделены курсивом):

Таблица 3. Характеристика профилей витальности

	Группа средне-низкой витальности	Группа низкой самооценки стабильной витальности	Стойко витальная группа (интегрированная)	Стойко витальная группа (традиционная)	Витальная группа (диссонирующая)
Величина группы	10%	28%	22%	26%	14%
PSD (S ₁ -S ₂) -1,0 ... 1,0	-0,46	-0,37	-0,21	-0,32	-0,07
D -0,25 ... 0,75	-0,03	0,06	0,05	0,17	0,25
U 0 ... 2	10,04	0,89	0,84	0,59	0,98
R 1,0 ... 2,0	10,57	10,74	10,57	10,77	10,75
EV -2,5 ... 3,5	-0,31	-0,15	-0,08	-0,05	0,10

Заключение

Результаты показывают, что русскоязычные, живущие в Эстонии, не составляют отдельную унитарную категорию, которая имеет однородную систему ценностей и отношений. Может быть выделено несколько разных подгрупп, которые отличаются друг от друга разными важными свойствами. Следовательно, невозможно говорить или измерять витальность всей русскоязычной общины Эстонии, так как это союз разных подгрупп, имеющих разные тенденции к сохранению языка и культуры или ассимиляции. Одни подгруппы имеют высокую тенденцию к социальной мобильности, но не все они склонны ассимилироваться. С другой стороны, есть подгруппы, которые имеют чёткую предрасположенность к сохранению языка, но, может быть, только одна из них могла бы оспорить текущее межэтническое положение (*status quo*) в Эстонии. С теоретической точки зрения результаты подтверждают валидность использованной модели. Её дальнейшее тестирование в различных межгрупповых ситуациях (например, в России) может обогатить научные и социальные исследования в области EV.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ehala M.* An evaluation matrix for ethno-linguistic vitality // Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe / S. Pertot, T. Priestly & C. Williams (eds.). Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2008.
2. *Ehala M.* The role of MTE in language maintenance and developing multiple identities // European Identities in Mother Tongue Education / S. Kiefer & K. Sallamaa (eds.). Linz: Trauner Verlag, 2005.
3. *Ehala M., Niglas K.* Empirical Evaluation of a Mathematical Model of Ethnolinguistic Vitality: the Case of Voro // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 28 (6). 2007.
4. *Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M.* Towards a theory of language in ethnic group relations // Language, ethnicity and intergroup relations / H. Giles (ed.). London: Academic Press, 1977.
5. *Likert R.* A Technique for the Measurement of Attitudes // Archives of Psychology. 140. 1932.

6. *Rannut M.* Estonianization efforts post-independence // *Multilingualism in Post-Soviet Countries* / Pavlenko A. (ed.). Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2008.
7. Statistical Office of Estonia 2000. Population and Housing Census. Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages. [Rahva ja eluruumide loendus. Kodakondsus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus]. Vol. 2. Tallinn: Eesti Statistikaamet/Statistical Office of Estonia. <<http://www.stat.ee/censuses>>.
8. *Verschik A.* Emerging bilingual speech: From monolingualism to code-copying. London: Continuum; 2008.
9. *Verschik A.* Estonian compound nouns and their equivalents in the local variety of Russian // *Scando-Slavica*. 2004.
10. *Verschik A.* Multiple language contact in Tallinn: Transfer B2 > A1 or B1 > A2? // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 10. 2007.
11. *Verschik A.* The language situation in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 36. 2005.
12. *Zabrodskaja A.* Russian-Estonian code-switching among young Estonian Russians: Developing a mixed linguistic identity // *Kansas Working Papers in Linguistics* / P. Mateo, S. Al-shboul and Wang Jing (eds.). 28. 2006. Lawrence: The University of Kansas: <<http://hdl.handle.net/1808/1231>>.

ETHNOLINGUISTIC VITALITY OF THE RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY IN ESTONIA

Martin Ehala (Estonia, Tartu), *Anastasia Zabrodskaja* (Estonia, Tallinn)

The purpose of this paper is to discuss ethnolinguistic vitality (EV) of the Russian-speaking community in post-Soviet Estonia, a country with a population of 1.345 million people, whereas Russians constituted 25.7% from the total population according to 2000 House and Population Census.

A new EV-model was modelled for measuring intergroup processes. This model puts forward a hypothesis that there are some crucial socio-symbolic factors that influence these processes: perceived system stability, intergroup distance, utilitarianism and interethnic discordance. By now, EV-model is fully applicable. It has passed its first empirical test on measuring the vitality of the Voru people in South-Estonia and is being applied to Estonian-Russian intergroup settings.